

Е. Б. Французова*

Деисусные чины в храмах Псковской земли XVI в.: местные особенности и общенациональные тенденции (по данным письменных источников)

В 1584–1588 гг. комиссия писцов во главе с Г. И. Мещаниновым-Морозовым и И. В. Дровниным осуществила писцовое описание Псковской земли, в 1510 г. вошедшей в состав единого Российского государства. Характерной чертой этого описания было включение в текст писцовых книг инвентарных описей храмового имущества, хотя и крайне неравноценных по степени подробности. Писцовые книги, составленные в ходе этого описания, сохранились в списках XVIII в. по 8 уездам из 15. Описание Пскова и его ближайшей округи не сохранилось¹. Однако даже те сведения, которые могут быть почерпнуты из уцелевших памятников, позволяют во многом уточнить наши представления об убранстве храмов Псковской земли, о состоянии там церковного искусства в конце XVI столетия, ретроспективно изучить более ранние художественные явления, оценить перемены, происшедшие после 1510 г. Это тем более важно, что число дошедших до наших дней памятников иконописи невелико, а храмов с оставшимся в неприкосновенности декором интерьера XVI в. просто не существует. В центре внимания настоящей работы — состав деисусных чинов.

Говоря о составе псковских деисусных чинов, прежде всего следует назвать известные факты включения в расширенный по сравнению с пятиличным деисус кроме традиционных образов Петра и Павла фигур других апостолов. Примерами таких деисусных чинов могут служить сохранившиеся памятники из фондов Псковского музея-заповедника — оплечный образ апостола Иоанна Богослова из церкви Успения с Пароменья 1-й половины XVI в. или ростовая икона Иоанна Богослова из деисусного чина середины XVI в. из церкви Николая Чудотворца со Усохи². Обе церкви находились на территории средневекового Пскова.

* © Французова Е. Б., 2006

Екатерина Борисовна Французова, научный сотрудник Института российской истории РАН.

Расширение семифигурного ростового деисуса за счет изображений еще двух апостолов — Иоанна Богослова и Андрея Первозванного — известно в искусстве Северо-Восточной Руси с 1-й четверти XV в. Иконы именно этих апостолов появились в иконостасах, выполненных художниками мастерской прп. Андрея Рублева: в деисусах Успенского собора во Владимире и Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры³. Устойчивый интерес к апостолу Андрею в Северо-Восточной Руси в 1-й четверти XV в. не случаен. По преданию, апостол Андрей благовествовал на тех землях, которые впоследствии стали ядром Древнерусского государства, и почитался как небесный покровитель Русской земли. Вместе с тем его образ призван был служить олицетворением преемства между Русью Киевской и Русью Московской, а также непосредственной связи с Константинополем, поскольку предание приписывает апостолу основание Константинопольской кафедры. Однако не менее почетное место в рублевских деисусах занимал апостол Иоанн. Иоанн Зеведеев не только любимый ученик Христа, нареченный сын Богоматери, но и тайновидец, получивший от Учителя обетование, что он неведомым образом будет пребывать до Второго Пришествия («пока прииду» — Ин. 21: 22–23), автор «Откровения», повествующего о событиях, которые должны произойти в конце истории. Эсхатологические настроения, охватившие восточно-христианский мир в конце XIV–XV в. в связи с напряженным ожиданием 7000-го (1492) г., по всей видимости, определили и место апостола Иоанна Богослова в деисусе — молении святых за живых и усопших перед Царем Христом. Не даром саму идею деисуса и всего высокого иконостаса принято связывать с темой заступничества святых в день Второго Пришествия и Страшного Суда⁴. Апостолы Иоанн и Андрей присутствуют и в более поздних памятниках. Так, в XVI в. их изображения были добавлены к присланному в серпуховской Высоцкий монастырь из Константинополя его бывшим игуменом Афанасием семифигурному поясному деисусному чину (1387–1395 гг.)⁵. На рубеже XV и XVI вв. в гораздо более развитых чинах, расширенных за счет изображений святых других ликов святости, в чинах, которые представляют уже общерусскую традицию, в таких, например, как чины из иконостасов Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря или церкви Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря, фигуры апостолов Иоанна и Андрея сохраняются⁶.

Вместе с тем искусство Северо-Восточной Руси не знало 15- и 17-фигурных деисусов так называемого апостольского типа, включавших помимо основного ядра — изображений Христа и предстоящих Ему Богоматери и Иоанна Предтечи, иногда дополнявшихся архангелами, — фигуры 12 апостолов. Подобные деисусы стали свойственны искусству византийского круга еще на рубеже XI и XII вв. (Ватопедский монастырь на Афоне). Наиболее известен полуфигурный чин монастыря св. Екатерины на Синае (XIII в.), который, как полагают, был создан под непосредственным влиянием ватопедского чина⁷. В 3-й четверти XIV в. апостольский деисус появляется в Хиландарском монастыре на Афоне. Хиландарский чин приобрел особую актуальность на Святой Горе в поствизантийскую эпоху, с середины XVI в., когда был воспроизведен

в нескольких монастырских иконостасах⁸. В такие деисусы не обязательно входили все апостолы из числа двенадцати. Вместо некоторых из них часто изображались не только апостол Павел, но и евангелисты Лука и Марк, принадлежавшие к числу семидесяти апостолов. Л. В. Бетин называл деисус апостольского состава одним из самых распространенных в византийском мире⁹.

Тем не менее появление многофигурных апостольских деисусов в России — явление позднее, связанное с деятельностью Патриарха Никона, стремившегося во всем, в том числе и в области художественной культуры, следовать греческим образцам. Одним из первых мероприятий Патриарха Никона, ставшим составной частью его церковной реформы, явилось создание по его заказу иконостаса Успенского собора Московского Кремля с апостольским 15-фигурным деисусом, восходившим к греческим прототипам¹⁰. Иконостас главного столичного храма стал своеобразным эталоном для других церквей уже во 2-й половине XVII в. Впоследствии, в XVIII–XIX вв. апостольский деисус занял прочное место в интерьерах российских храмов, в корне изменив и композицию алтарной преграды в целом, и ее духовно-смысловые задачи. По мнению Г. С. Колпаковой, этот тип деисусного чина, скорее всего, был заимствован в Россию с Афона¹¹.

Вопрос о бытовании в Новгородской земле деисуса апостольского типа ранее 2-й половины XVII в. остается открытым. На древность особого почитания апостолов в Новгороде указывает посвящение церкви «на Пропастех» (впервые упомянута в 1230 г.¹²) 12 апостолам. Деисусный чин этого храма, переданный в 1915 г. архиепископом Новгородским Арсением (Стадницким) в Древлехранилище Новгорода, помимо традиционных 7 фигур, включал иконы Иоанна Богослова и евангелиста Матфея. Кроме того, деисус был расширен за счет изображений новгородских святых — преподобных Антония Римлянина и Варлаама Хутынского. Хотя в отчете Новгородского церковно-археологического общества сообщается, что иконы чина, имеющие «поздние вставки», «относят» к XV в., действительное время их появления неясно¹³. По крайней мере нельзя исключать, что эти иконы могли соответствовать составу чина XV или XVI в. Вместе с тем сохранилась икона XV в. из иконостаса этой церкви редкой композиции — «Собор двенадцати апостолов». Для характеристики репертуара иконографических сюжетов Новгорода важно и присутствие в так называемых софийских таблечках конца XV в. композиции «Собор двенадцати апостолов» совершенно иного извода¹⁴.

Некоторые основания для положительного ответа на вопрос о бытовании в Новгороде апостольского деисуса, возможно, дает сохранившееся фронтальное поясное изображение апостола Фомы XIV или 1-й трети XV в. (по атрибуциям разных исследователей). Н. П. Кондаков полагал, что эта икона, связанная с палеологовским искусством, могла входить в деисус апостольского состава. Однако, как справедливо заметила Э. Г. Смирнова, с равным успехом она могла являться местным образом какого-либо небольшого придельного храма или часовни, посвященных апостолу Фоме, или же быть патрональной иконой богатого заказчика¹⁵.

Опираясь на опись 1696 г. Рождественского собора Антониева монастыря в Новгороде, В. М. Сорокатый предположил, что создание указанного в описании церкви св. Онуфрия в лестничной башне этого собора деисуса на 11-ти досках — с архангелами и апостолами — следует связать с окончательной закладкой в башне проемов для колокольного звона. По мнению исследователя, это могло произойти около 1573 г.¹⁶

Приведенные факты, однако, недостаточны для безоговорочного утверждения о бытовании апостольского деисуса в Новгороде, особенно в республиканский период.

Между тем в фондах Псковского музея-заповедника на рубеже 1970-х — 1980-х гг. художник-реставратор Н. М. Ткачева выявила ростовой 17-фигурный апостольский деисусный чин. Ткачева установила и его происхождение — из церкви Успения Богородицы с Пароменья в Пскове¹⁷. 14 икон этого чина с изображениями архангелов и апостолов датированы исследовательницей серединой 40-х гг. XV в. — временем первоначальной постройки церкви Успения. Средник чина — более поздний, по-видимому XVII в., представляет собой композицию «Отечество» с предстоящими Богородице и Иоанном Предтечей.

Согласно наиболее полному сообщению Псковской первой летописи, церковь Успения в Завеличье «совершена бысть» в 6952 (1443/1444) г. и 26 октября того же года освящена. Глагол «совершати» скорее приложим к каменным церковным зданиям, в отличие от более универсального и менее торжественного «поставити», употребленного в Псковских второй и третьей летописях¹⁸. Таким образом, церковь была воздвигнута к осени 1443 г. (для псковского летописания середины XV в. характерен сентябрьский стиль времяисчисления). Она могла быть каменной, а значит, весь обширный чин (его размер с учетом средника превышал 8 м) мог вписаться во внутреннее пространство достаточно большого каменного храма, в отличие от тесного интерьера деревянной церкви. Новосооруженное каменное здание церкви Успения было освящено в день престольного праздника — 15 августа 1521 г.¹⁹ Для иконостаса нового, более просторного храма доски деисусных икон были увеличены в размерах за счет вставок по бокам²⁰. На настоящий момент раскрыты 9 икон чина (5 находятся в процессе реставрации), однако из-за утраты надписей (и вообще золотого фона произведений) идентификация изображений апостолов затруднена. В ходе реставрации выяснилось, что в слое поздних записей обозначены не те святые, которые были изображены первоначально. Не считая архангелов, по иконографическим признакам с той или иной долей уверенности отождествлены апостолы Иоанн Богослов, Филипп, Фома, евангелист Лука²¹. Высказывались и другие мнения о времени создания пароменского деисуса. Ю. Г. Бобров датировал единственную раскрытую к середине 1980-х гг. чиновую икону 2-й половиной XV в., а И. С. Родникова, опубликовавшая 2 иконы из пароменского чина, — концом столетия²².

Деисус апостольского типа обнаруживается также на иконе «Походная церковь» 3-й четверти XVI в. (Тверская картинная галерея), воспроизводящей структуру иконостаса. В нижних регистрах иконы наиболее полно

представлены псковские святые, что позволило Г. В. Попову высказать предположение о ее принадлежности руке псковского художника. Деисусный ряд памятника — 13-фигурный, ростовой. Помимо средника — «Спас в силах», фигуры Богоматери, Иоанна Предтечи и архангелов — он включает изображения 8 апостолов — Петра и Павла, евангелистов Иоанна Богослова и Луки, Матфея и Марка, а также Фомы и Филиппа²³.

Главную роль в развитии апостольской темы в псковском церковном искусстве, несомненно, должны были сыграть непосредственные контакты домосковского Пскова XIV–XV вв. с культурой византийского мира. Недаром Бобров нашел прямые аналогии в изображении Евангелия в руках одного из апостолов (по атрибуции Боброва — апостола Андрея) на иконе из пароменского чина (кодекс находится в горизонтальном положении и приоткрыт так, что видны строки текста) с македонскими памятниками — иконой «Апостол Матфей» из Охрида (конец XIII — начало XIV в.) и с росписями церкви в монастыре апостола Андрея в Треске (1388–1389). Влиянием южнославянского искусства объясняют специалисты и присутствие как на иконах пароменского чина, так и на некоторых других псковских произведениях станковой живописи выпуклых накладных деревянных нимбов, покрытых левкасом²⁴.

И. А. Шалина, ссылаясь на указанные памятники псковского искусства и опираясь на опубликованную опись Псково-Печерского монастыря, уже отмечала, что обычай расширять деисус фигурами апостолов был в Пскове достаточно устойчивым²⁵. Однако приведенные исследовательницей в качестве примера два 9-фигурных деисуса из Псково-Печерского монастыря соответствовали тому составу, который был известен московской традиции начиная с эпохи Андрея Рублева. Один из них, эвакуированный на последнем этапе Ливонской войны из погоста Агирево, помещался в пещерном Успенском соборе, другой — в иконостасе трапезной церкви Благовещения. В обоих деисусах, помимо основного ядра и изображений апостолов Петра и Павла, присутствовали образы апостолов Иоанна Богослова и Андрея Первозванного. Оба деисуса появились уже в московскую эпоху. Время их создания определяется довольно точно. Один был написан не ранее даты сооружения церкви Благовещения (1540 г.), другой предназначался для храма погоста Агирево, основанного печерским игуменом Корнилием в окрестностях приграничного замка епископства Дерптского — Нового Городка (Нейгаузен, эст. Вастселийна), по-видимому, вскоре после взятия его в 1558 г. Примечательно, что еще один 9-фигурный деисус, написанный в то же время для соседнего погоста Топино и приписываемый составителем описи руке самого прп. Корнилия, тоже имел состав, характерный для храмового искусства московского круга: «седмица» была дополнена изображениями творцов литургии — святителей Василия Великого и Иоанна Златоуста²⁶. В середине и 2-й половине XVI в. иконография всех этих чинов шла в русле общенациональной традиции.

Любопытным представляется состав деисусного чина главного храма Петропавловского Верхнеостровского монастыря. В писцовой книге Мещанинова-Морозова и Дровнина он не персонифицирован, хотя сообщается, что

состоял из 9-ти образов²⁷. Согласно более поздней описной книге монастыря (1606 г.), в также 9-личном деисусе его главного храма за изображениями Петра и Павла следовали образы апостолов Андрея и Иакова (скорее всего, Иакова Зеведеева, как принадлежавшего, наряду с Петром и Иоанном, к числу наиболее близких учеников Христа). Замыкали чин, однако, фигуры Московских первосвятителей²⁸. Монастырь, имевший только деревянные постройки, в 1592 г. подвергся нападению шведов и, по словам келаря и казначея, был сожжен, но к 1595 г. восстановлен не без помощи Печерского монастыря, к которому он в этом же году и был приписан²⁹. Однако в утверждении монастырских властей, очевидно, присутствовало преувеличение. Структура иконостаса храма апостолов Петра и Павла 1606 г. повторяла структуру иконостаса 1580-х гг.: количество икон совпадает не только в деисусном ряду, но равным образом в праздничном и пророческом.

В иконостасах храмов других крупных монастырей Псковской земли деисусы апостольского состава не отмечены. Здесь можно указать лишь на наличие в ростовом («стоячем») 21-фигурном деисусе Богородице-Рождественского собора Снеогогорского монастыря наряду с расширенным составом святителей и преподобных и двумя фигурами столпников изображений апостолов Иоанна Богослова и Фомы, помещенных вслед за Петром и Павлом. Некоторый намек на апостольскую тему можно усмотреть и в одном из предметов ювелирного искусства, богато украшавших снеогогорский деисусный чин: к образу Иоанна Предтечи был приложен «крест серебрян глаткой, тощ, золочен, на серебрянной чепочке, а на нем резаны Страсти Христовы, а назади *Ияков Зеведеов* [выделено мной.— Е. Ф.]»³⁰. По-видимому, дополнительные фигуры апостолов находились и в деисусе придела во имя святителя Саввы Сербского в Иоанно-Богословском соборе Крыпецкого монастыря. О нем сообщается кратко: «Деисус на золоте со апостолы и с ыными святыми»³¹. Однако это были лишь попытки привнести местные нюансы в общенациональную иконографию деисусного чина.

Между тем писцовая книга Мещанинова-Морозова и Дровнина содержит сведения о том, что чин церкви Успения в Пароменье не был в Пскове явлением исключительным. Деисусные чины строго апостольского типа обнаруживаем в описях некоторых приходских храмов и храмов мелких обителей псковской провинции.

На верхнем тыбле иконостаса собора Николая Чудотворца в Изборске помещался деисусный ряд, состоявший из 11 икон, на которых помимо традиционной «седмицы» имелись изображения 4 евангелистов — Матфея, Иоанна, Марка и Луки³². Никольский собор в Изборске принадлежал к числу ранних каменных построек Псковской земли. Расположен он был внутри крепости 1330 г. на Жеравьей горе. «Дом святого Николы» в Изборске впервые упоминается в 1341 г. В 1349 г. каменное здание собора уже существовало, поскольку летопись под этим годом сообщает об освящении церкви-придела «святого Спаса Преображения оу святого Николы на полатех»³³. Вряд ли формирование сюжетно-иконографического состава деисуса Никольского собора восходит к середине XIV в., по всей видимости, этот чин возник

до начала XVI в. Примечательно, что и на паперти Никольского собора помещался «деисус, апостолы и мученики, на красках».

Интересна информация и о внешних особенностях деисусных образов Никольского собора: «Все на золоте, венцы резь на древе, золочены». Резьбу на древе в XVI в. называли резьбу по дереву. Скорее всего речь идет о накладных резных нимбах. Распространенные в Псковской земле накладные нимбы, как уже отмечалось, специалисты склонны связывать с балканским влиянием. Однако, возможно, имелась в виду и какая-то иная техника, например, резьба, гравировка или тиснение по левкасу, которые зрители, в том числе и составитель описи, могли воспринимать как резьбу по дереву³⁴. Декоративная обработка левкаса имела достаточно универсальный характер в восточно-христианском искусстве. Сохранились памятники новгородского искусства XIV–XV вв. с нимбами, покрытыми левкасом, обработанным прографленным узором, иногда позолоченные³⁵. Ранний пример декоративной обработки левкаса в искусстве Москвы — средник храмовой иконы Архангельского собора Московского Кремля «Архангел Михаил с деяниями» (ок. 1399 г.)³⁶. В XVI в. отмечается резная орнаментация иконостасов на Афоне, а в XVI–XVII вв. — украшение фонов, полей и нимбов рельефным орнаментом на памятниках Молдавии и Валахии³⁷. Орнаментика левкаса известна и по памятникам псковского искусства. Дошедшие до наших дней иконы праздничного и пророческого рядов из иконостаса псковской церкви Николая Чудотворца на Усохе (2-я четверть XVI в.) имели декоративную обработку нимбов — тонкую гравировку растительного орнамента³⁸.

В этом контексте очень важным представляется указание описи деревянной церкви Николая Чудотворца на погосте Тайлов Псковского уезда. В храме на почетном месте, справа от царских врат, была помещена местная золотфонная икона «Николай Чудотворец», нимб которой был описан аналогично нимбам деисусных икон Никольского собора в Изборске: «венцы резь, древян, золочен». Об этой иконе опись сообщает деталь, достаточно редко встречающаяся в книге Мещанинова-Морозова и Дровнина: у образа «письмо старое»³⁹. Возможно, именно накладные резные позолоченные нимбы, имитировавшие венцы из драгоценных металлов, в 1580-х гг. считались принадлежностью древних произведений искусства, появившихся по крайней мере столетием раньше. Главная икона Никольской церкви на погосте Тайлов — «наместная», очевидно, она была современницей первой храмовой постройки этого погоста. Упомянутые ранее памятники из псковской церкви Николая Чудотворца на Усохе 2-й четверти XVI в. с выгравированным по левкасу узором вряд ли могли в конце XVI в. быть восприняты в псковской провинции как образцы древнего письма.

В иконостасе деревянного храма Афанасьевского девичьего монастыря в Гдове находился «в нижних тяблах деисус пять икон: образ Спасов на престоле со апостолами»⁴⁰. Основное ядро деисуса, вероятно, должно было помещаться на средней иконе, как, например, в «Деисусе» из Николаевского Кожина монастыря (Государственный Русский музей), датированном 1-й половиной или серединой XIV в.⁴¹ На двух боковых досках с каждой стороны, по-видимому,

были изображены 12 или менее апостолов. В принципе не исключено, что чин не выходил за рамки 9-фигурного, соответствовавшего общерусской традиции, основание которой было заложено в начале XV в. Однако апостольская тема развивалась и на верхнем ярусе иконостаса: «В верхних тяблах образ Спасов поясной, венец у него меден позолочен, да двенадцать апостолов на золоте». Поскольку в источниках XVI–XVII в. за «образ», как правило, считали отдельную доску, не будет ошибкой полагать, что композиция была написана на одной доске. Скорее всего, речь идет о доске, вытянутой по горизонтали, представляющей собой единый фриз, с поясными изображениями Спасителя и 12 апостолов (без Богоматери и Иоанна Предтечи?!). Однако возможна и иная интерпретация источника. К примеру, это могла быть обычных пропорций доска, воспроизводившая какой-либо извод сюжета «Собор двенадцати апостолов» или, допустим, изображение Спаса Вседержителя на среднике иконы с полуфигурами апостолов на полях⁴². Исходя из состава библиотеки Афанасьевского монастыря, содержащей пергаменный кодекс, я склонна отнести возникновение обители ко времени не позднее 3-й четверти XV в.⁴³ А если и иконостас храма Афанасьевского монастыря был создан до начала XVI в., значит, апостольский состав псковских деисусов имеет свои корни в культурной традиции Псковской республики.

На нижнем тябле иконостаса церкви вмч. Георгия на погосте Сенно Изборского уезда был помещен «деиисус [так в рукописи.— *Е. Ф.*] на четырнадцати иконех, апостолы и пророки, на золоте»⁴⁴. И хотя иконостас каменной церкви, построенной, как полагает Вл. В. Седов, в 1-й трети XVI в.⁴⁵, был 4-ярусным и имел отдельные тябла с праздничным и пророческим рядами, по всей видимости, присутствие изображений пророков в деисусе можно объяснить только тем, что иконы нижнего тябла имели 2 регистра: в нижнем помещался апостольский деисусный чин, а в верхнем — чин пророческий. Здесь можно провести аналогию с памятником начала XVI в., отнесенным В. Г. Брюсовой к московской школе живописи,— «Иконостас походный». Входящие в него 13 икон (средник отсутствует) представляют собой совмещение деисусного и пророческого чинов⁴⁶. Думается, что деисус с «апостолы и пророки» мог происходить из предшествовавшей деревянной постройки на погосте Сенно, не имевшей верхних ярусов.

Примерно такой же деисус обнаруживаем в иконостасе храма избороцкого девичьего Богородице-Рождественского монастыря. Там отсутствовали праздничный и пророческий ряды, но было сразу 2 деисусных чина: «В тябле деиисус на девяти иконах на красках; другой деиисус — пядницы на золоте на десяти иконах со апостолы и с пророки»⁴⁷. Анализ состава богослужебных книг обители, как и в случае с гдовским Афанасьевским монастырем, но с большей степенью уверенности, позволяет сделать вывод, что она была основана самое позднее в 3-й четверти XV в. Не исключено, что дополнительный апостольский деисус, совмещенный с пророческим рядом,— элемент раннего декора храма.

В церкви апостолов Петра и Павла погоста Кунесть Гдовского уезда находился «деиисус стоячей на девяти иконах, Спас на престоле и апостолы, на красках»⁴⁸. Трудно сказать, к какому типу он принадлежал, возможно, это был

все тот же 9-личный деисус общерусской традиции с дополнительными фигурами апостолов Иоанна и Андрея. Но если в чине отсутствовали иконы архангелов (и, возможно, Богоматери и Иоанна Крестителя), тогда тоже можно говорить о деисусе строго апостольского состава.

Писцовые книги Мещанинова-Морозова и Дровнина донесли до нас и уникальное свидетельство об убранстве одного из русских православных храмов на территории Юрьева Ливонского (Дерпт, современный Тарту в Эстонии).

Дерпт наряду с Ригой и Ревелем с XIV в. принадлежал к числу наиболее посещаемых русскими купцами городов Балтии, в котором они имели право поселиться и торговать. Русские православные церкви в Дерпте — свт. Николая и вмч. Георгия — впервые упоминаются в 1438 г., однако, как предположила Н. А. Казакова по аналогии с Ригой и Ревелем, возникновение их относится к более раннему времени⁴⁹. Обе церкви упоминаются и в русско-ливонском договоре 1481 г.⁵⁰ При церквях находились помещения, где жили клирики; храмам принадлежали «села», т. е., по всей видимости, участки земли в самом Дерпте или в пригородной зоне; возможно, при этих церквях хранились товары. Находка в Пскове печати середины XV в., на лицевой стороне которой имелась надпись: «Печать юрьевская», а на оборотной — «Печать святого Георгия», позволила исследователям говорить о патрональном характере церкви вмч. Георгия по отношению к псковским купцам. Церковь же свт. Николая, по мнению Казаковой, правда не подкрепленному документальным материалом, была патрональной церковью новгородцев⁵¹. Какую-то роль в городе, по-видимому, играли и выходцы из Московской Руси. До 1472 г. там служил священник Иван, «измлада Московския земли», впоследствии принявший монашеский постриг с именем Иона и ставший основателем Псково-Печерского монастыря⁵². В средневековом Дерпте существовал и особый Русский конец, т. е. часть города вокруг православных церквей, населенная русскими, снимавшими здесь для себя помещения у местных горожан⁵³. Очевидно, что Русский конец был не только местом пребывания приезжавших туда русских купцов, как полагала Казакова, но и местом жительства постоянного православного населения — своеобразной колонией. Это подтверждается «Повестью об Исидоре Юрьевском» — рассказом о мученической гибели подо льдом реки Омовжи (Эмайыги) в 1472 г. 73 русских жителей Дерпта во главе с пресвитером священномучеником Исидором, настоятелем церкви свт. Николая Чудотворца. В числе погибших были женщины и дети, что доказывает наличие в Дерпте русской диаспоры⁵⁴. Находки в Пскове печати середины XV в., а затем еще двух «печатей юрьевских» XIV в., стилистически чрезвычайно близких, как показал С. В. Белецкий, печатям псковских пригородов, позволили исследователю прийти к выводу, что печатями этими пользовались чиновники Псковской республики, осуществлявшие судопроизводство «по русским делам» в Юрьеве⁵⁵.

Все эти факты не оставляют сомнения в том, что в Русском конце Дерпта ведущую роль играли купцы и поселенцы из ближайшего к нему русского города — Пскова. Очевидно, что в XV — 1-й половине XVI в. именно Псков

оказывал определяющее влияние на культуру Русского конца. Нельзя исключить, что кроме названных в источниках XV в. двух храмов там существовали и другие православные церкви. Накануне Ливонской войны, как отмечал Антонио Поссевино, в Дерпте находились «храмы, в которых москвиты... исполняли церковные обряды»⁵⁶.

В уже упоминавшемся Богородице-Рождественском монастыре в Изборске хранилось имущество ранее не известного дерптского православного храма — церкви Параскевы Пятницы («пятницкая казна Юрьева Ливонского»). «Казна» была передана игуменье обители Устинии псковским дьяком Иваном Андреевым после неудачного для России завершения Ливонской войны. В ходе этой войны на территориях, занятых русскими войсками, активно проводилась политика церковного строительства, была создана епископская кафедра, основывались храмы в «новых немецких городах», а также, как уже упоминалось, в сельской местности, на приграничных землях замка Нейгаузен⁵⁷. По условиям Ям-Запольского перемирия с Речью Посполитой Россия вынуждена была вывести из Ливонии не только принадлежавшие ей оружие, снаряжение, продовольствие, но также и православный клир и церковное имущество: «Дерптского владыку, иконы, церковные украшения»⁵⁸.

В описи «пятницкой казны» перечислены иконы: «деисус с апостолы, и с пророки, и з Господскими праздниками на десяти иконах на красках да пятьдесят пядниц на золоте и на красках»⁵⁹. Как можно заключить из формулировки источника, в иконостасе церкви св. Параскевы находилось тринадцать вертикальных досок, совмещавших 3 яруса иконостаса. Таким образом, деисусный чин храма в Дерпте состоял не менее чем из 10 фигур, из которых как минимум 5 являлись изображениями апостолов. Однако подчеркнутые составителем описи слова «с апостолы» позволяют думать, что число апостолов могло быть большим.

Крайне затруднительно сказать, к какому времени следует отнести возникновение храма во имя вмц. Параскевы. В его скудном книжном собрании, состоявшем всего из 8 кодексов, отмечены 2 пергаменных Пролога, что может указывать на XV в. Но вместе с тем в храм, находившийся на чужой территории, древние книги могли поступать в качестве вкладов с большей степенью вероятности, чем в храмы псковской провинции. А в военное время появление таких книг могло быть обусловлено еще и действиями светской власти. Здесь уместно напомнить о случае нарушения посмертной воли низведенного с кафедры архиепископа Новгородского Феодосия (1542–1551; † 1563). Вложенное им в Иосифо-Волоколамский монастырь Евангелие-тетр в десть с золотыми буквицами и заставицами «по цареву великаго князя слову» волоцкий игумен Галактион вынужден был отдать в недавно присоединенную и активно христианизируемую Казань, в соборную церковь «к Благовещению Пресвятыя на престол»⁶⁰. Недаром в Благовещенском соборе и в Спасском монастыре Казани писцовая книга 1565–1568 гг. зарегистрировала отдельные пергаменные кодексы (материал письма в описях указывается не всегда), несомненно являвшиеся вкладными. А в свияжском Успенском монастыре, согласно писцовой книге 1565–1568 гг., в числе 53 книг,

вложенных царем («государева данья»), находились целых 8 томов, писанных на пергамене⁶¹. Сохранилось и непосредственное указание на вклад в православную церковь в Дерпте частного лица. Согласно записи на книге 1-й половины XVI в. «Слова Василия Великого», кодекс был вложен в 1575/76 г. чернецом Ефимом Часовиком в не упоминающуюся в других источниках церковь Преображения Господня в Дерпте — «в церковь боголепного Преображения... в Юрьев Ливонской»⁶².

Посвящение церкви в Русском конце Дерпта вмц. Параскеве Пятнице достаточно красноречиво. Св. Параскева на Руси издревле считалась покровительницей торговли. Недаром храмы во имя этой святой нередко ставились на торговой площади. Наиболее близкий пример можно найти в соседнем Новгороде — церковь Параскевы Пятницы на Торгу. Поэтому не будет ошибкой считать, что храм был основан в период расцвета торговли в Русском конце не в качестве патронального храма, а обычного приходского в мирное время, во всяком случае до 1558 г.⁶³ Следовательно, иконостас храма может быть датирован временем не позднее середины XVI в. Однако наличие в трехрядище всех структурных элементов «высокого иконостаса», поздно утвердившегося в Северо-Западной Руси, не дает оснований и для датировки ее предшествовавшим столетием.

Состав большинства псковских провинциальных деисусных чинов, особенно в сельских приходских храмах, в описях не конкретизирован. Однако можно думать, что нехарактерный для искусства московского круга деисусный чин апостольского типа в предпоследнем десятилетии XVI в. был более распространен именно в склонной к консерватизму и в более бедной провинции, не хотевшей изменять традициям предшествовавшей эпохи или же просто не имевшей возможности, следуя «духу времени», заказывать новые художественные ансамбли. Показательно, что апостольские деисусы, как правило, бытовали в тех иконостасах, начало формированию которых, судя по всему, было положено в XV или в 1-й половине XVI в.

Согласно текстам описей, устойчивой особенностью псковских иконостасов, даже достоверно созданных в XVI в., представляется иконография средника ростового деисусного чина: почти во всех случаях, когда сюжет средника в описях указан, он формулируется как «Спас на престоле». Есть только 2 упоминания о характерном для искусства московского круга «Спасе в силах» — в иконостасах Спасо-Преображенского собора Великопустынского монастыря и церкви свт. Николая Чудотворца на погосте Котельно Выборского уезда⁶⁴. Однако составители обеих описей, называя образ «Спас на престоле в силах», смешивают обозначения двух композиций. Это обстоятельство дает основание для предположения о более широком распространении иконографического типа «Спас в силах» в Пскове XVI в.

Деисусным чинам Псковской земли XVI в. были свойственны не только архаизирующие местные тенденции. О совершенно ином векторе развития свидетельствовало появление в расширенных чинах, построенных в соответствии с образцами Северо-Восточной Руси, изображений общенациональных святых, прежде всего первосвятителей Русской Церкви.

О наличии изображений «московских» святых в псковских деисусах XV в. никаких сведений нет. Однако отдельные случаи их бытования исключить нельзя. Стремление Псковской республики в церковном отношении выйти из подчинения Новгородской архиерейской кафедре, получить собственного епископа, а также установление политической зависимости Пскова от великого князя Ивана III делает такое предположение правдоподобным. Первое упоминание о появлении каменной церкви «в Домантове стене» с посвящением святителю Алексию Московскому относится еще к периоду самостоятельности Псковской республики — к 1508 г. Церковное здание, оказавшееся непрочным, возобновлено было «в падшее место» в 1534 г. Но инициатива здесь уже принадлежала московским властям: «по великого князя слову Ивана Васильевича». Новый храм был также каменным⁶⁵.

Между тем наиболее раннее упоминание о посвящении в Пскове храма русскому святому относится к 1465 г. (если не считать воздвигнутого в 1-й половине XIV в. храма во имя святых Бориса и Глеба, общероссийское почитание которых утвердилось еще в домонгольский период). Тогда во время морового поветрия посадниками и «всем Псковом» была поставлена обыденная (т. е. построенная по обету за один день) церковь во имя новгородского святого XII в. прп. Варлаама Хутынского на Званице в Запсковье⁶⁶. Тремя десятилетиями позже, в 1495 г., на ее месте возвели каменную церковь⁶⁷. Почитание прп. Варлаама Хутынского в Москве началось незадолго до появления Варлаамовской церкви в Пскове и было связано с пребыванием в Новгороде в 1460 г. великого князя Василия II и его приближенных, когда, согласно сказанию, записанному московским митрополитом дьяком Родионом Кожухом, у гробницы преподобного произошло чудо воскрешения постельничего Московского великого князя Григория Тумгана. Уже в следующем, 1461 г., в Москве по личному повелению Василия II была воздвигнута каменная церковь Иоанна Предтечи с приделом во имя прп. Варлаама Хутынского, которому, как сообщается в памятниках московского летописания, «оттоле почта праздновати на Москве»⁶⁸. Прп. Варлаам с этого времени стал считаться небесным покровителем Московского государства. Однако появление в Пскове в 1465 г. обетной церкви во имя этого святого, да и церкви 1495 г., вряд ли можно связать с московским влиянием. По всей видимости, распространение почитания прп. Варлаама в Пскове в это время было обусловлено близостью Новгорода и причастностью к новгородской церковной жизни. Ведь местное почитание основателя Хутынского Спасо-Преображенского монастыря началось практически сразу же после его смерти, а епархиальная канонизация преподобного состоялась еще в 1-й половине XIII в.⁶⁹ Однако после включения Пскова в состав Московского государства, а именно в 1520–1527 гг., инициативу строительства еще одной псковской церкви во имя прп. Варлаама Хутынского на площади (сначала деревянной, а затем каменной) уже взяли на себя купцы — переселенцы из Центральной России («гости приведенные»)⁷⁰.

В Псковской первой летописи под 1519 г. содержится упоминание о строительстве в Пскове «повелением великого князя» 3 деревянных церквей. Одна из них была освящена в честь вологодского святого прп. Димитрия Прилуцкого.

Крайне знаменательно, что 2 другие были посвящены особо почитаемым в Пскове апостолам — евангелисту Луке и Фоме. В статье 1519 г. Псковской третьей летописи упоминается еще одна построенная тогда же церковь — в честь св. митрополита Петра. Причем названа она первой из числа четырех. Возможно, разночтения в летописных сообщениях объясняются тем, что какая-то из церквей была придельной⁷¹.

Примерно к этому же времени относятся и сохранившиеся памятники иконописи. 1-й третью XVI в. специалисты датируют изображение митрополита Петра из собрания Музея им. Андрея Рублева, являвшееся частью ростовского деисусного чина. Согласно атрибуции Л. М. Евсеевой, произведение принадлежало руке псковского мастера⁷². В состав полнофигурного деисусного чина из собрания Псковского музея-заповедника, также псковского происхождения, датируемого близким временем (согласно каталогу И. С. Родниковой, 1-й третью XVI в. или, по мнению Евсеевой, 2-й четвертью — серединой столетия) было включено изображение митрополита Алексия⁷³. Именно эти 2 фигуры наиболее полно отражают идею общероссийского церковно-государственного единства.

В писцовых книгах состав деисусных рядов приведен для 12 храмов, принадлежавших 8 монастырям Пскова и Псковского уезда. В 6 случаях обнаруживаем включение в деисус изображений «московских» святых⁷⁴. В расширенном полнофигурном деисусе Богородице-Рождественского собора Снеготорского монастыря вслед за изображениями архангелов, фигурами апостолов, изображениями святителей Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Николая Чудотворца были симметрично помещены изображения митрополитов Алексия и Петра, Леонтия, епископа Ростовского, и прп. Сергия Радонежского, а спасавшийся на берегах Иордана пустынный Герасим, которому посвящался придел собора, соотнесен был с прп. Варлаамом Хутынским; замыкали чин традиционные для московского искусства фигуры столпников — Симеона и Алипия⁷⁵. В 15-фигурном ростовском деисусном чине главного храма Крыпецкого монастыря за фигурами апостолов Петра и Павла следовали святители Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, великомученики Георгий и Димитрий, а далее — преподобные Сергий Радонежский и Варлаам Хутынский; замыкали деисус изображения столпников Симеона и Даниила⁷⁶. В ростовом 13-фигурном (без изображений архангелов) деисусе Спасо-Преображенского собора Великопустынского монастыря были помещены изображения митрополитов Петра и Алексия, преподобных Сергия и Варлаама, причем образы Московских святителей, очень архаично для конца XVI в. названных «новыми чудотворцами», следовали за изображениями святителей Николая Чудотворца и Иоанна Златоуста, за ними помещены были великомученики Георгий и Димитрий Солунский, а преподобные замыкали чин⁷⁷. Изображения тех же общерусских святых присутствовали в иконостасе храма апостолов Петра и Павла Середкина монастыря с той разницей, что в 13-фигурном деисусе лик святителей представлен только образами Николая Чудотворца и Московских митрополитов⁷⁸. В уже упоминавшемся чине храма апостолов Петра и Павла Верхнеостровского монастыря фигуры че-

тырех апостолов дополнялись фигурами двух Московских первосвятителей⁷⁹. Даже в деисусе храма Успенского Кебского монастыря, расположенного в глуши и названного писцами погостом, за образами апостолов Петра и Павла следовали изображения святителей Петра и Алексия, дополненные фигурами мучеников и столпников⁸⁰.

И если в храмах Псково-Печерского монастыря многофигурные деисусные композиции отсутствуют, то в 13-фигурном деисусе церкви Сорока мучеников Севастийских, находившейся за пределами монастырской ограды, «на дворце» монастыря, помимо изображений преподобных Антония и Феодосия Печерских (присутствие в деисусе основателей Киево-Печерского монастыря, безусловно, продиктовано «пещерным» характером Псковской обители), находим пары: митрополит Петр и прп. Варлаам, свт. Леонтий Ростовский и прп. Савва Освященный, составитель не столь давно распространившегося на Руси Иерусалимского устава, а также преподобные Ефрем Сирий и Иоанн Дамаскин⁸¹. Деревянная церковь Сорока мучеников, по-видимому, пострадала от войск Стефана Батория и к моменту составления описи только отстраивалась («церковь... нова, несовершенна»), однако иконостас ее, очевидно, принадлежал более ранней постройке и хранился в монастыре («а образов в церкви в монастыре») [выделено мной. — Е. Ф.].

Важным представляется появление в иконостасах псковских монастырских храмов местных икон с изображениями общенациональных святых. Особый интерес с этой точки зрения представляет местная житийная икона в Елеазаровом монастыре с изображением 3 подвижников, представителей монашества египетского, греческого и русского — преподобных Онуфрия Великого, Петра Афонского и Пафнутия Боровского⁸². В Спасо-Преображенском соборе Великопустынского монастыря, по-видимому, в его местном ряду (сказать определеннее трудно, поскольку опись этой обители не имеет начала, список был сделан с дефектного оригинала), находилась икона с изображением «новых чудотворцев»: «Петр, Алексей, Леонтей Ростовский да преподобный Сергей, Варлаам, Ефросин Псковский»⁸³. В местном ряду иконостаса храма апостолов Петра и Павла в Верхнеостровском монастыре, согласно описной книге 1606 г., находился «образ преподобных отец Сергия и Ефросина Псковскаго на одной дске, на той же дске и образ Троица Живоначальная»⁸⁴, объединявший двух основоположников общежительного монашества в Северо-Восточной Руси и в Псковской земле.

Монастыри были основными проводниками новых культурных и идеологических веяний, тем более что в наиболее крупных из них на протяжении XVI в. не без финансовой и политической поддержки центральной власти или архиерейской кафедры осуществлялись ширококомасштабные строительные работы, в ходе которых происходили создание или реконструкция иконостасов⁸⁵. Между тем в отдельных приходских храмах так называемого мирского строения, т. е. построенных по заказу и на средства общины-прихода, обнаруживается та же тенденция. Так, в 9-фигурном деисусе храма во имя свт. Николая Чудотворца на погосте Котельно Выборского уезда присутствовали изображения святителей Петра и Леонтия⁸⁶, а в храме святых Космы

и Дамиана на погосте Локно Изборского уезда традиционный 7-фигурный деисус был дополнен не имеющим пары образом «Алексея чудотворца», что может свидетельствовать о более позднем включении иконы в уже существовавший деисусный чин⁸⁷. Показательным представляется и наличие в местном ряду иконостаса Никольской церкви на погосте Навережье Дубковского уезда житийной иконы митрополита Петра⁸⁸.

Поскольку для большинства сельских храмов персональный состав деисусных рядов не указан, а между тем количество икон в этих рядах иной раз достигает 13–19, можно полагать, что деисусы некоторых других приходских церквей расширены не только за счет изображений апостолов, но в некоторых случаях и за счет общенационального сонма святых.

Приведенные факты говорят о проникновении общерусских идей не только в монастырскую культурную среду, но и в «демократическую» культуру региона. В связи с этим необходимо отметить, что выявить обозначенную тенденцию позволяют лишь письменные источники. Основываясь только на сохранившихся памятниках псковской иконописи, Родникова вынуждена была констатировать, что традиция включения в деисусный чин изображений святителей Петра, Алексия и Леонтия, выражающая идею прославления Русского государства, в искусстве новгородско-псковского круга не получила широкого распространения⁸⁹. Однако данные письменных источников позволяют прийти к заключению о том, что к концу правления Ивана IV интеграционные процессы на почве псковской культуры зашли довольно далеко.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ РГАДА, ф. 1209, кн. 827, 830. Тексты инвентарных описей храмового имущества подготовлены мною к изданию при поддержке РГНФ (проект № 00–01–00141а). О комплексе материалов писцового описания Г. И. Мещанинова-Морозова и И. В. Дровнина и его датировке см.: Города России XVI века: Материалы писцовых описаний / Изд. подгот. Е. Б. Французова. М., 2002. С. XXVI–XXIX; *Французова Е. Б.* Описания церквей и монастырей Псковской земли в составе писцовых книг 1580-х гг. // Массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв.: Материалы XII Всероссийской конференции. Архангельск, 2002. С. 337–339.
- ² *Алпатов М. В., Родникова И. С.* Псковская икона XIII–XVI веков: Альбом. Л., 1990. Каталог. № 83, 114.
- ³ См., например: *Осташенко Е. Я.* Андрей Рублев: Палеологовские традиции в московской живописи конца XIV – первой трети XV века: Каталог произведений Андрея Рублева, художников его школы и мастерской. М., 2005. С. 261–262, 299–301.
- ⁴ См., например: *Евсеева Л. М.* Эсхатология 7000 года и возникновение высокого иконостаса // Иконостас: Происхождение. Развитие. Символика. М., 2000. С. 411–427; *Щенникова Л. А.* Древнерусский высокий иконостас XIV – начала XV в.: Итоги и перспективы изучения // Там же. С. 392–408.
- ⁵ Государственная Третьяковская галерея: Каталог собрания. Т. 1: Древнерусское искусство X – начала XV века. М., 1995. № 72–77. С. 161; *Антонова В. И., Мнева Н. Е.* Каталог древнерусской живописи: Опыт историко-художественной классификации. Т. 1. М., 1963. № 329. С. 375–376.
- ⁶ Дионисий и искусство Москвы XV–XVI столетий: Каталог выставки. Л., 1981. № 21, 33; *Лелекова О. В.* Иконостас Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря, 1497 год: Исследование и реставрация. М., 1988. С. 229–234.

- ⁷ Колтакова Г. С. Иконография «Традицию легис» и апостольский чин в русских иконостасах XVII–XVIII вв.: Попытка нового осмысления // Русское церковное искусство Нового времени. М., 2004. С. 40. См. также: Шенникова Л. А. Деисус в византийском мире: Историографический обзор // Вопросы искусствознания. 1994. № 2/3. С. 150.
- ⁸ Колтакова Г. С. Указ. соч. С. 41.
- ⁹ Бетин Л. В. Об архитектурной композиции древнерусских высоких иконостасов // Древнерусское искусство: Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. М., 1970. С. 43.
- ¹⁰ См., например: Качалова И. Я. К истории ныне существующего иконостаса Успенского собора // Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. Вып. 2. М., 1976. С. 104–108.
- ¹¹ Колтакова Г. С. Указ. соч. С. 42–43, 49.
- ¹² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 70, 277.
- ¹³ Отчет Новгородского церковно-археологического общества за 1915 год // Новгородские епархиальные ведомости. 1916. С. 891. См. также: Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А. Живопись Великого Новгорода: XV век. М., 1982. С. 257.
- ¹⁴ Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А. Указ. соч. № 7, 63, 216.
- ¹⁵ Смирнова Э. С. Живопись Великого Новгорода: Середина XIII – начало XV века. М., 1976. № 37. С. 257.
- ¹⁶ Сорокатый В. М. Храмовое строительство и иконостасы Великого Новгорода в середине – второй половине XVI в. // Древнерусское искусство: Русское искусство позднего средневековья. XVI век. СПб., 2003. С. 255.
- ¹⁷ Ткачева Н. М. К вопросу о происхождении памятников древнерусской живописи из собрания Псковского музея-заповедника // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тезисы конференции. Псков, 1987. С. 13–15. См. также: *ее же*. Древняя живопись Пскова // Творчество. 1992. № 1. С. 34–37.
- ¹⁸ Псковские летописи / Под ред. А. Н. Насонова. Вып. 1. М.; Л., 1941 (далее – ПЛ–1). С. 46; Вып. 2. М., 1955 (далее – ПЛ–2). С. 47, 136.
- ¹⁹ ПЛ–1. С. 102, 227, 292.
- ²⁰ Ткачева Н. М. К вопросу о происхождении... С. 14.
- ²¹ Считаю приятным долгом принести искреннюю благодарность заведующей отделом научной реставрации Псковского музея-заповедника Н. М. Ткачевой за любезно предоставленную информацию о деисусном чине церкви Успения с Пароменья. См. также: Святая Русь: Приложение к каталогу выставки в Нойсе (Германия). 17 апреля – 29 мая 1994 г. Псков, 1994. Каталог. № 1–2. С. 27–28 (автор статьи Н. М. Ткачева).
- ²² Бобров Ю. Г. Новые открытия псковской живописи XV–XVI вв. // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. 1985. М., 1987. С. 177–187; Алпатов М. В., Родникова И. С. Указ. соч. Каталог. № 31–32. С. 299. См. также: Бобров Ю. Г., Ткачева Н. М. Псковская школа живописи в XVI веке // Древний Псков: История. Искусство. Археология. М., 1988. С. 239.
- ²³ Попов Г. В., Рындина А. В. Живопись и прикладное искусство Твери: XIV–XV века. М., 1979. С. 236–237; Алпатов М. В., Родникова И. С. Указ. соч. Каталог. № 148. Персональный состав деисуса приводится по И. А. Шалиной: Шалина И. А. Псковские монастырские иконостасы и их иконографические особенности // Культурное наследие Российского государства. Вып. 4. СПб., 2003. С. 144.
- ²⁴ Бобров Ю. Г. Указ. соч. С. 179; Бобров Ю. Г., Ткачева Н. М. Указ. соч. С. 239.
- ²⁵ Шалина И. А. О некоторых особенностях псковских монастырских иконостасов // Михайловская Пушкиниана. Вып. 12: По материалам конференции «История и традиции псковских монастырей в русской культуре». М., 2000. С. 26; *ее же*. Псковские монастырские иконостасы... С. 144. Исследовательница пользовалась малоизвестной и не вполне безупречной с археологической точки зрения публикацией

- описи Печерского монастыря, извлеченной из писцовой книги Г. И. Мещанинова-Морозова и И. В. Дровнина: Псково-Печерский монастырь в 1586 году // Старина и новизна: Исторический сборник. Кн. 7. СПб., 1904. С. 255–272. Систематизация данных этой описи о составе икон в храмах Псково-Печерского монастыря произведена Ю. Г. Малковым: *Малков Ю. Г.* Художественные памятники Псково-Печерского монастыря: (Материалы к исследованию) // Древний Псков. С. 206–211.
- ²⁶ РГАДА, ф. 1209, кн. 830, л. 1118–1119 об., 1128 об.
- ²⁷ *Французова Е. Б.* Петропавловский Верхнеостровский монастырь на Псковском озере в 1580-х годах // Псков: Научно-практический, историко-краеведческий журнал. Псков, 2002. № 17. С. 59–62.
- ²⁸ ОР РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1912, л. 148–148 об.
- ²⁹ *Серебрянский Н. И.* Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. Прилож. С. 574–575.
- ³⁰ РГАДА, ф. 1209, кн. 830, л. 371 об.— 372 об.
- ³¹ Там же, л. 440.
- ³² Города России XVI века. № 22. С. 180.
- ³³ ПЛ–1. С. 18, 20; *Седов Вл. В.* Псковская архитектура XIV–XV веков: Происхождение и становление традиции // Архив архитектуры. Вып. 3. М., 1992. С. 52.
- ³⁴ Однако следует принять во внимание, что составитель описи имущества Димитриевского собора Гдова, характеризуя убранство двух икон местного ряда — вмч. Димитрия Солунского (или Николая Чудотворца: в источнике ошибочно указаны два названия иконы) и Богоматери Одигитрии, — отличает декоративную обработку левкаса от резьбы по дереву. Относительно первой иконы сообщается «венеч на левкасе резан золочен», относительно второй — «у ней венеч и около польь резь на древе на левкасе» (см.: Города России XVI века. № 21. С. 169–170).
- ³⁵ Государственная Третьяковская галерея: Каталог. Т. 1. № 23. С. 84; № 25.
- ³⁶ *Смирнова Э. С.* Московская икона XIV–XVII вв. Л., 1988. № 68, 69. С. 272–273.
- ³⁷ Византия и Византийские традиции: (Памятники из фондов Эрмитажа и Русского музея): Путеводитель по выставке. Л., 1991. С. 13, 17.
- ³⁸ *Ткачева Н. М.* Древняя живопись Пскова. С. 36.
- ³⁹ РГАДА, ф. 1209, кн. 830, л. 1152.
- ⁴⁰ Города России XVI века. № 21. С. 176.
- ⁴¹ *Алпатов М. В., Родникова И. С.* Указ. соч. Каталог. № 9. С. 293; *Лифшиц Л. И.* Очерки истории живописи древнего Пскова. Середина XIII — начало XV века: Становление местной художественной традиции. М., 2004. С. 306–317.
- ⁴² См., например: «Деисус с этимасией и святыми» конца XIV — начала XV в. балканского происхождения (по атрибуции Э. К. Гусевой) // Государственная Третьяковская галерея: Каталог. Т. 1. № 89.
- ⁴³ *Французова Е. Б.* Монастыри Псковской земли в XVI веке: общее количество и размещение // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 119.
- ⁴⁴ РГАДА, ф. 1209, кн. 827, л. 752.
- ⁴⁵ *Седов Вл. В.* Церковь Ильи Пророка в Кривовицах: По материалам обследования 1989 г. // Реставрация и архитектурная археология: Новые материалы и исследования. М., 1991. С. 151–152.
- ⁴⁶ Древнерусская живопись из московских частных коллекций: Каталог / Сост. В. Г. Брюсова. М., 1998. № 14. Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность Л. И. Лифшицу, обратившему мое внимание на этот памятник. Обычай писать иконы разных ярусов на общих досках не был редким явлением в искусстве XVI в. Совмещение деисусного и праздничного чинов на общих вертикальных досках можно проиллюстрировать на чине середины XVI в. псковского происхождения — из монастырской церкви св. Димитрия в Поле (см.: *Алпатов М. В., Родникова И. С.* Указ. соч. Каталог. № 120–131). В псковской писцовой книге 1584–1585 г. упоминается также «деисус на одной цке з Господьскими праздници», хранившийся в церкви Ильи Пророка погоста Корлы Псковского уезда, но принадлежавший

ранее (по-видимому, до нашествия войск Стефана Батория) одной из церквей Пскова (см.: РГАДА, ф. 1209, кн. 830, л. 1141).

- ⁴⁷ Города России XVI века. № 22. С. 182. Десять чиновых пядниц с апостолами и пророками из Изборска демонстрируют, что название «Походный иконостас» применительно к опубликованному В. Г. Брюсовой памятнику крайне условно. Небольших размеров чины (размер опубликованных икон — 29×8,4 каждая, т. е. во всяком случае не менее пядницы) вовсе не обязательно были «складными», как это определено в каталоге. В нашем случае они являлись принадлежностью храмового интерьера и помещались на тягле. Большинство храмов Псковской земли, даже каменных, имели малые размеры. А храм Богородице-Рождественского монастыря был деревянным и, поскольку тип постройки не указан — повсеместно распространенным на Псковской земле «клетским», а следовательно, крайне миниатюрным. Примеры бытования иконостаса, писанного на пядницах, можно найти и в интерьерах крупных храмов. Так, в левой части местного ряда иконостаса Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря, согласно описи 1601 г., помещался «деисус с празники и с пророки, писан на пядницах» (Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года / Сост. З. В. Дмитриева и М. Н. Шаромазов. СПб., 1998. С. 53). Однако в последнем случае этот миниатюрный иконостас, по-видимому, был вкладным.
- ⁴⁸ РГАДА, ф. 1209, кн. 827, л. 358 об.
- ⁴⁹ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975. С. 134–141, 286–290.
- ⁵⁰ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. СПб., 1846. № 75. С. 95–98.
- ⁵¹ Янин В. Л. Вислые печати Пскова // Советская археология. 1960. № 3. С. 260–261; Казакова Н. А. Указ. соч. С. 138.
- ⁵² Повесть о Псково-Печерском монастыре // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. СПб., 2005. С. 480.
- ⁵³ Казакова Н. А. Указ. соч. С. 139–140.
- ⁵⁴ Rogov A. I. «Повесть об Исидоре Юрьевском» как исторический источник и памятник русской публицистики периода Ливонской войны // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969. С. 314–327; см. также: Соколова Л. В. Житие Исидора Юрьевского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 284–285.
- ⁵⁵ Белецкий С. В. Сфрагистика // Специальные исторические дисциплины: Учебное пособие. СПб., 2003. С. 336–337.
- ⁵⁶ Антонио Поссевино. Исторические сочинения о России XVI в. / Пер., вступ. ст. и коммент. Л. Н. Годовиковой. М., 1983. С. 42.
- ⁵⁷ См.: Селин А. А. Московское церковное строительство в Ливонии в XVI в. // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы научного семинара за 2000 г. Псков, 2001. С. 242–247.
- ⁵⁸ Антонио Поссевино. Указ. соч. С. 183.
- ⁵⁹ Города России XVI века. № 22. С. 182–183.
- ⁶⁰ Кукушкина М. В. Книга в России в XVI веке. СПб., 1999. С. 117; Макарий (Веретенников), архим. Новгородский архиепископ Феодосий (1542–1551; † 1563) // Альфа и Омега. 2000. № 3 (25). С. 209.
- ⁶¹ Список с писцовых книг по г. Казани с уездом. Казань, 1877. С. 17, 25; Города России XVI века. № 33. С. 357–358.
- ⁶² Сметанина С. И. Записи XVI–XVII веков на рукописях собрания Е. Е. Егорова // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964. № 13. С. 361.
- ⁶³ Писцовая книга Мещанинова-Морозова и Дровнина донесла до нас сведения об эвакуации из Юрьева по окончании Ливонской войны и православного Воскресенского монастыря, братия которого со всем вывезенным ею имуществом была направлена на восстановление разоренного войсками Стефана Батория Княжеозерского монастыря в Кобыльском уезде. В составе библиотеки обители также находились 2

- пергаменных кодексов при общем числе 43 (см.: РГАДА, ф. 1209, кн. 827, л. 537 об., 541). Однако в данном случае основание в мирное время монастыря в центре Дерптского епископства представляется маловероятным. Гораздо логичнее видеть в этом результат государственной и церковной политики на завоеванной территории (см. также: *Селин А. А.* Указ. соч. С. 244–245; *Французова Е. Б.* Монастыри Псковской земли в XVI веке. С. 122). Именно к последнему этапу Ливонской войны, к 1578 г., относится свидетельство о том, что в Дерпте «было скучено множество русских домов, церквей, *монастырей* [выделено мной. — *Е. Ф.*], усадеб, амбаров и лавок» (Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 3. Рига, 1880. С. 298).
- ⁶⁴ РГАДА, ф. 1209, кн. 830, л. 1250 об.; кн. 827, л. 1295. Симптоматично, что оба деисуса, как увидим из последующего изложения, включали в свой состав изображения общерусских святых.
- ⁶⁵ ПЛ–1. С. 92, 108; ПЛ–2. С. 225.
- ⁶⁶ ПЛ–1. С. 71, 72; ПЛ–2. С. 54, 163.
- ⁶⁷ ПЛ–1. С. 82; ПЛ–2. С. 224.
- ⁶⁸ Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 2: Софийская вторая летопись / Подг. текста С. Н. Кистерова и Л. А. Тимошиной. М., 2001. С. 147; Т. 20. Ч. 1: Львовская летопись. СПб., 1910. С. 271; *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. М., 1973. С. 25–26.
- ⁶⁹ *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986. С. 70.
- ⁷⁰ ПЛ–1. С. 102, 104.
- ⁷¹ ПЛ–1. С. 101; ПЛ–2 С. 226.
- ⁷² Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева: Каталог собрания. Серия: Иконы. Иконы Твери, Новгорода, Пскова XV–XVI вв. М., 2000. С. 39; № 47. С. 204–207 (автор статьи Л. М. Евсеева).
- ⁷³ *Алпатов М. В., Родникова И. С.* Указ. соч. Каталог. № 50–56; Центральный музей древнерусской культуры... Вып. 1. С. 206.
- ⁷⁴ Отсутствуют иконы русских святых в иконостасах следующих монастырских храмов: Успенского собора, трапезной церкви Благовещения и надвратной церкви Николая Чудотворца в Псково-Печерском монастыре (РГАДА, ф. 1209, кн. 830, л. 1118–1118 об., 1128 об.), храма Богоматери «Одигитрия» на подворье Псково-Печерского монастыря в Пскове (Города России XVI века. № 20. С. 164), Введенский храм в Толвитском монастыре (РГАДА, ф. 1209, кн. 830, л. 453 об.), церкви Николая Чудотворца в Зарезницком монастыре (ОР РНБ, собр. М. П. Погодина, л. 166). Все указанные храмы Псково-Печерского монастыря, кроме надвратной Никольской церкви, были воздвигнуты в 1-й половине XVI в. (соответственно в 1518–1519, 1540, 1537 гг.). Находившиеся в сельской местности Толвитский и Зарезницкий монастыри были небольшими и бедными обителями.
- ⁷⁵ Точно не известно, к какому моменту следует отнести формирование 4-ярусного иконостаса собора Рождества Богородицы. Представляется, что новый иконостас мог появиться во 2-м десятилетии XVI в. — после завершения строительства в Снеготорской обители церкви свт. Николая Чудотворца с трапезной (1519 г.) или же при возведении церкви Вознесения (1526–1527 гг.). Во всяком случае он существовал до большого пожара в соборе в 1581 г.: как показал В. Д. Сарабьянов, во время пожара, когда были повреждены тябла иконостаса, икон на них не было, по-видимому, их вывезли в Псков, на монастырское подворье (см.: *Сарабьянов В. Д.* Первоначальный колорит снеготорских росписей и проблема изменения цвета древнерусских фресок XIV–XV вв. // *Древнерусское искусство: Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв.* СПб., 1998. С. 153–158). Можно было бы предположить, что деисус из Псковского музея с иконой «Митрополит Алексей» принадлежал Снеготорскому монастырю, — размер иконы 146×64 совпадает с указанным в источнике размером: «полсемя пяди». Однако в снеготорском деисусе иконы святителей были размещены нетипично: образ свт. Алексия —

в левой части деисуса, образ свт. Петра — в правой. На сохранившемся же произведении митрополит Алексей изображен в развороте влево.

⁷⁶ РГАДА, ф. 1209, кн. 830, л. 429 об.— 430.

⁷⁷ Там же, л. 1250 об.

⁷⁸ Там же, л. 365 об.— 366.

⁷⁹ ОР РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1912, л. 148–148 об.

⁸⁰ РГАДА, ф. 1209, кн. 830, л. 197 об.— 198.

⁸¹ Там же, л. 1134; 1118–1119 об.; 1128–1130.

⁸² Там же, л. 404.

⁸³ Там же, л. 1249 об.

⁸⁴ ОР РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1912, л. 150 об.

⁸⁵ Так, каменный собор Крыпецкого монастыря, согласно датировке Вл. В. Седова, был воздвигнут в 1547–1555 гг.; сооружение собора Великопустынского монастыря Седов склонен относить ко времени пребывания на Новгородской кафедре архиепископа Александра (1577–1589 гг.) (см.: *Седов Вл. В.* Псковская архитектура XVI века // Архив архитектуры. Вып. 8. М., 1996. С. 130–132, 236–237). Последнюю датировку можно уточнить. Как следует из писцовой книги Мещанинова-Морозова и Дровнина, большой каменный собор Преображения Господня к 1584–1588 гг. был уже воздвигнут.

⁸⁶ РГАДА, ф. 1209, кн. 827, л. 1295 об.

⁸⁷ Там же, л. 754–754 об.

⁸⁸ Там же, л. 1393.

⁸⁹ *Алтаев М. В., Родникова И. С.* Указ. соч. С. 304.